

27. 05. 2016

*Марку Долину сегодня 14 лет.
Бабушка тихо поздравляет...*

Да что ж это такое, господа...
Да я сонет с утра уж написала.
Да я уж было строчки причесала,
А их и нету, вовсе без следа.
Куда это запропалились вдруг...
Ну ты даёшь, товарищ мой Фейсбук.
Внучонку то четырнадцать, ей богу.
И в слабом сердце бабкином — тук-тук.
Ребёнок. Всё на свете неудобно.
Всё неуютно или неудобно.

Но ты, ребенок, плюй на этот факт.
Не плюй же ни на чуткость, ни на такт.
Они тебя и вытащат, с гитарой.
Поверь хоть в этом своей бабке старой.

3. 06. 2016

Все мало и мало, и мало и мало.
О книжках, о любовях и о детстве.
И папа и мама, и папа и мама.
О Сретенке и об Одессе.
Одесса, этот Эдем здоровья,
Заповедник свободы,
Черноглазый бог черноморья и чернобровья,
Особой породы,
Китобойный бог, поселковый, душный,
Фонтан за фонтаном.
И особый слог — той ещё незамужней,
За капитаном, Тристаном.
Разрушишь всё. Подойдёшь и спросишь:
Где мой виноградник любовный?
Двадцать с лишним лет не была.
Не видела эту роскошь.
Всё снится тот, китобойный.

3. 06. 2016

Всё мало и мало. И мало, и мало.
Далеко прекрасное. Одиночество тесно.
Когда то хоть что-то я понимала.
Снилась Венеция. Мнилась Одесса.
Ошую Москва, Питер одесную.
Кому я теперь то себя адресую ...
Одесса из детства, дикарка, дикарка.
В поезде холодно. В объятиях жарко.
Куда мы бежали под дождиком бурно...
Да зонтики же привезли из Шербура.
И вот мы со старшей моею сестрицей
Крадёмся в траве — как тигрёнок с тигрицей.
Потом мы спускаемся лестницей зверской.
Дай бог нам обратно забраться до верха.
Какого там верха, с трамвайной зупинки
Зовёт меня мальчик, почти без запинки.
Зови меня, мальчик, Серёжа иль Боря.
Но скоро во мне разыграется буря.
Одесса растает. Порвётся шеренга.
Была остановочка — Анна Горенко.

3. 06. 2016

Всё мало и мало, да, мало, и мало и мало.
Зачем Сен Мало, если буря хребет не сломала...
Да, Ирмою звали собаку моего деда.
Ни мёда ни молока — но такого обеда,
Какой учиняла моя двоебабушка Таня —
Не найдёшь в комбинатах земного питания.
Стояла она у плиты,
в халате из ситца,
опиравшись на трости.
И летели мы из темноты...
Бабушка-одесситка
И внуки, московские гости.
В подвале — жило вино. И орех — на ветке.
Это было очень давно и ушло навеки.
А что сочиняла я? Я крутила детские уши...
Двоебабушка Таня моя, не могло быть лучше.
Вот они, отбивные. Конечно, борщ.
Фаршированный перец.
Впечатленье такое, что ты всё врёшь,
Невозможно верить.
Там такие бывали битки, супы,
Накрывались такие поляны —
Я б сидела там на полу, меж мешками крупы,
Длинной ночью полярной....
Двоебабка моя родная, тётя Таня.
Сладок давно твой сон,
А век был труден.
Вот ведь — помню как ложка стояла в сметане.
Помню какой был на пляже музон...
И не выспросила —
Как делать штрудель.

4. 06. 2016

Прощайте, друзья.
Говорю не гламурно, но грустно и грозно.
Прощайте, вы все, дочки и сыновья,
Говорю я серьёзно.
Медведи косматые,
Зайцы с оторванными ушами.
Не очень то ароматные...
Лет тридцать назад дышали,
Наполняли шкафы и столики ...
Глазели, но громоздились.

Не изящные — нет, нисколько,
А сегодня само упряднились.
Ушли. Провожая. Слушаю
Скрежещущие те звуки,
Что издаёт животное плюшевое,
Когда его отпускают руки
Человеческие. Они же причесывали.
Разглаживали. Почти целовали.
Под чьими теперь колесами.
В чьём кузове, в самосвале.
Прощай, Розмари, и прочие.
Судьба мне вас всех всучила.
Лошадки мои рабочие,
Не спасла я вас, хоть лечила.
Никого не спасёшь тут, оказывается.
Ни одного созданья.
Нескоро, гм, сказка сказывается.
Прощайте. Но — до свиданья.

6. 06. 2016

Не по-цветаевски, не по-московски.
Ну хорошо, а тогда — по-каковски?
Всё же я не пушкинист...
Честное слово, не знаю, но что то
Вечно мешало душе идиота...
А ведь кристально был чист.
Вот пушкинистика для москвича.
Пушкин как кот. Как сова. Как свеча.
Пушкин — почти что мобильник,
А не чугунный могильник.
Было однажды такое со мною.
Вспомню домашнюю уж паранойю.
Книжку из детства ищу.
Сильно по книжке грущу.
Старая книга жила-поживала.
Тихо светилась, во мгле согревала
Глупые руки, слепые глаза.
Слушала я из неё голоса —
Рыцари. Барышни. Всадник. Русалки.
Что то похоже — не так мы и жалки...
Странно. Пожалуй, что это работа.
Что то мешает душе идиота.
Мамина книга «Весь Пушкин», но ты!
Ты то, чьи строчки так были круты...
Ты испарилась, бедняга.
Я идиот и салага.

Ах, Academia. Жили же, братцы...
Так, что теперь не расскажется вкратце.
Старая книжка вернётся —
Тут то и детство начнётся.

9. 06. 2016

Произошедшие от меня —
Это произошедшие из меня.
Любопытно, но те, что произошли —
Они сквозь меня прошли.
Прошли сквозь меня.
Приспособились — и насквозь.
Их неласковая болтовня —
Палец мне пробивающий гвоздь.
Их нехитрый расчёт на меня —
Одно из правил игры.
Начало ночи или конец дня,
Движущиеся миры.
Прошли сквозь меня,
Как через тёмный подъезд.
Никто их не выдаст,
Никто их не съест.
Впрочем, у них тут сегодня съезд.
Не могу сказать, что это мой крест.
Но какой то скрежет стоит — как в метро.
Руки мне режет. Грызет нутро.
Произошедшие из меня
На склоне дня —
Выросли как орлы,
Драконы, слоны.
Мне ничего не должны.

9. 06. 2016

Произошедшее во мне,
Произошедшее во сне...
Невидимое в настоящем,
Но настоящее вполне.
Как медицинский результат —
Лениво скальпели блестят.
Одна игла. Один зажим.
И каждый орган недвижим.
Один знакомый анатом,
Слегка подвыпивший притом,
Берёт электронож, пилу,
Валяющиеся в углу...

Берёт и говорит: пора
Бежать, ребята, со двора.
Пока что пилим дерева.
Была команда — их сперва.
Отлично пилится каштан.
А липа — всё же не фонтан.
Пока попилим тополей.
А люди будут только злей,
Как псы в непроходном дворе.
Как ствол на жилистом бедре.
Как тихий сын степей, таджик,
Вполне порядочный мужик.
Не причиняй ему обид,
Пока он что-то там робит.
Пока он рубит, пилит гроб,
Никто ему не скажет стоп.
Москва — отличные дрова.
И неприличные слова
Слетают с разношерстных уст,
Не заглушая зверский хруст.

9. 06. 2016

Произошедшая со мной одна история...
Та, стародавняя, особая, которая
Тому лет тридцать полыхнувшая в ночи.
А что гореть, когда давно те речки высохли?
Когда и краски отцвели уже и выцвели —
В тот самый год, когда терялись все ключи.
Ключи от дома — эти потерялись первые.
А ведь надёжные такие были, верные.
Ключи отличные, серебряный брелок.
Потом ключи ещё, о чёрт, автомобильные.
Такие, впрочем, бесполезные, бессильные.
Зачем тебе автомобиль, скажи, милок...
Зачем собака и детей — неужто четверо...
Зачем собранья — Вальтер Скотта или
Чехова.
Зачем жилище — не убежище, ковчег.
Затем ли разве — чтоб история давнишняя,
Давно уплывшая, погибшая и лишняя,
Писалась все-таки? Квитанция и чек.

11. 06. 2016

На третий раз и по третьему разу
Смотрю кое-что, чуть приметное глазу.
Смотрю кой чего, внимаю рассказу —
Кокетство, одно оно.
А что же такое тогда кокетство,
Как ни зловредное в сердце детство,
Как ни макропулосово средство,
Которое нам дано...
Дано, да и всё тут. Рассказ неистов,
Жизнеописание кокаинистов,
Прекрасных художников-маринистов,
У них своё море внутри.
Берут они в руки разные страны,
Пишут Библии и Кораны.
Трепещут женщины и тираны,
Гори всё огнём, гори.
Огонь горит. Я смотрю и таю.
В который раз уже я листаю,
Назло Японии и Китаю,
Всем Азиям вопреки —
Такую книгу, где только чтница,
Она, любительница-танцовщица,
Все еще учится, то есть тщится —
Писать и читать стихи.

12. 06. 2016

Ты много лучше чем он, уж поверь мне, много.
Говорю я внушительно тут одному хот-догу.
И глядит на меня внимательно этот один хот-дог:
С выраженьем: это необязательно, но я бы мог.
Я бы мог и хвостом размахивать, как орудьем.
И ушами при этом потряхивать, как нравится людям.
И в мгновение ока опустошать свою миску.
И еще задачки решать, и дальше — по списку.
А другой хот-дог глядит на меня с доверьем.
Да, я мал ещё, но я тоже веду свой блог, пусти меня в терем.
Не смотри, что я мал и глуп — видишь эти уши?
И я тоже хочу в твой взрослый клуб, я всё-таки лучше.
А я первому: боже мой, боже, ты краше, ты выше.
И второму: ты тоже, тоже, всё вижу, всё слышу.
Вспоминает подружка Ленка молодое моё причитанье
Над сыночками. Старшему — всё сложенье,
а младшему — вычитанье.

13. 06. 2016

Лет пять назад или шесть —
Не слышен был этот скрежет.
Не знали мы слова «жесть».
Не чувствовали, как режет
На кончиках пальцев плоть,
Так тонко, до омерзенья...
Зачем языком молоть —
Спроси свои угрызенья.
Лет шесть или семь назад,
В своей простоте неспешной
Не знали мы слова «ад»
В его наготе крошечной.

Кружили — как пара птиц,
И парашют — за спиною.
Меж наших печальных лиц —
Встречалось одно, иное.
Лет семь или восемь — прочь.
Зачем ты себя неволишь...
Такой же как был — точь в точь,
Такой же как был, всего лишь.
Привыкнешь и мочь, и сметь,
И выучишь одинокость.
И мягкое слово «медь»
Запомнится как жестокость.

15.06.2016

Ку-ку — оно мне голос подаёт.
Ку-ку — оно покоя не даёт.
А всё же как то робко, бессистемно.
Да, впрочем, я сама не такова,
Чтоб слушать их ку-ку или ква-ква.
Тут у меня без них — торчком антенна.
Конфужусь. Но малюткам расскажу,
Как я полвека с лишним тут брожу.
Что я тут знаю домовых и леших...
Поди-ка ты, откройся мотыльку.
Едва живому, вечному цветку,
Но всё же и дружку прогулок пеших.
И щупаю, и глажу клеверок.
И помню — как я тут звалась Верок.
И в белках понимала непугливо.
Но кукушонок мягонький пропал.
А прежде — в травяной кровати спал,
Пока я крылья трогала стыдливо.

18. 06. 2016

Мама мне говорила: делай и делай.
Учи и французский, и музыку, и домоводство.
А не то останешься старой девой,
А вот это последнее идиотство.
Пустоцветом будешь. Сухим, бездарным.
Овощем, который ты так ненавидишь.
Неизвестно, что там с твоим патроном гитарным,
Но с тобой же не каждый день и во двор то выйдешь...
И не вышло выйти на улицу.
Домоводство как руководство.
Я могу и сойти за умницу.
Но это не более чем идиотство.

18. 06. 2016

Совсем разнюнилась в грозу.
Ещё разбухла и размокла.
Притом что ни в одном глазу —
В очках уже мутнеют стекла.
Такие гребаные дни.
Какой же ни сложу гербарий,
Листочки бедные одни
«Куда-куда» поют из арий...
Такие трёпаные дни.
Мои растрёпанные внучки

(попробуй, расчесать рискни...)
Глядят — то облака, то тучки...
И этот сельский звукоряд,
И белкин хвост незаурядный —
Всё-всё томит меня подряд,
Весь их отряд многозарядный.
А вот разноешься с грозой...
А вот расплачешься к разлуке.
И в сердце дрогнет мезозой,
Куда и не доходят руки.

19. 06.2016

И, когда со мной случится
Небольшая кутерьма —
Надо будет научиться
Прежде не сойти с ума.
Подготовить газ и воду.
Вентиляцию и душ.
Чтоб, ничуть не зная броду,
Не нести хотя бы чушь.
Не трястись. Не содрогаться.
Не приписывать ОЗ

Свойств божественных рогацци
Со спасителем внутри.
Шприцы сунуть в холодильник,
Ампулы — наоборот.
Мой заряженный мобильник
Землю выроет, как крот,
И попросит — помощь божью.
И повыше позвонит.
Всё пойму, всё подытожу.
И никто не сохранил.

19. 06. 2016

Ничего святого
Нет у нас в Москве —
Дыма золотого,
Ветра в голове.
Ты подай нам хана.
Хоть кого давай.
Маленького хама.
Старенький трамвай.
А у нас за стенкой
Прежде жил сосед.
Да уже давненько...
Да давно уж нет.
У него работа
Может быть — врачом.
Но придумал кто то
Будто — палачом.
Ходит, как не видя
Кошек и детей.
Но — в отличном виде
Кончики ногтей.

Не в карманах дело.
Странно было то,
Как на нем сидело
Серое пальто.
Я его забыла,
Как индейца Джо...
В детстве это было
Даже хорошо.
Оглушено глядя
Рядом и вокруг,
Вижу — тот же дядя,
Мой давнишний друг.
Может быть, работа.
Может, и врачом.
Но придумал кто то —
Будто палачом.
Ничего святого
Нет у нас в Москве.
Дыма золотого,
Ветра в голове.

20. 06. 2016

В наших бедных двориках московских —
Там забыть бы сердцу обо всём —
Мы идём с тобой, два паниковских,
Не угнавшиеся за гусем.
Нам на духоте не очень спится.
И она глядит из темноты,
Эта фантастическая птица
Стариковской сладостной мечты.
Мы с тобой хозяева, не гости.
Мы сто лет назад тут родились.
Тут до нас глодали птичьи кости,
Вот и нам достались и нашлись.
Бедный мой, да ты морской породы...
Птицы- рыбы- крабы- лососи.
Все забрали жадные уроды —
Чего есть и нету на Руси.

Во дворе цветёт сирень — шиповник —
Ненадолго сердце веселя.
Будто бы невидимый садовник
Разрешил парковку корабля.
А у нас — соломенные шляпы.
А у нас — мечтанье о гусе.
Да, мы лежебоки и растяпы,
Но имеем право, как и все.

22. 06. 2016

Семь утра. Еще не ад
На планете.
Например, спокойно спят
Мои дети.
Это мне, летящей в дол
По над градом —
Срочно нужен валидол
С виноградом.
И несладкая вода,
Минералка.
Чтобы не было всегда
Грозно жалко
Всех, родившихся в Москве,
Как случайно.
Я, пусть с болью в голове,
Изучаю —

Отчего, сколь ни живи
Без работы —
Срочно хочется любви
И свободы...
Отчего кругом тоска
И безделье.
Или хуже — свысока
Пустомелье.
Семь утра. Ещё не ад
В моём граде.
Всё поправит виноград,
Бога ради.
Как любил его мой дед,
Как я помню.....
Расскажу вам тет-а-тет,
Ближе к полдню.

27. 06. 016

Луна во всём дошла до дна.
Мир сделался лучист.
Учись в театр ходить одна —
Учись, учись, учись.
Не замечая никого,
Как будто их и нет...
Учись быть выше. Всех. Всего.
Ищи тот самый свет.
Подводный мир, бездонный край
Не черен, не тяжёл.

Иди в театр. Сама играй —
Чтоб некто не нашёл.
Пускай он ищет. Там, на дне
Пылают очажок..
Учись не думать обо мне,
Мой маленький дружок.
Подземный кратер... но со дна
Я грею и свечу.
Учись в театр ходить одна.
Сама себя учу.

29. 06. 2016

Ножки мои, ручки мои.

Всякие прочие штучки мои.

Долго ж я вас не хвалила, не холила.

Мяла, давила, годами неволила.

Сколько ж я вас понукала и мучила.

Сколько выкручивала вас и дрючила.

Как вы ходили то.... Сколько носили.

В общем-то, вас ни о чём не просили —

Но вы кидались, вы топали, хлопали.

Азия вам полагалась, Европа ли.

Я вас терзала тисками и дыбами,

Но плавниками, чешуйками, рыбами

Вы научились и плыть, и топорщиться.

В холод не ныть и на солнце не морщиться.

И ногти стали мощными сталями.

Пусть коротки. Ну да каждый — с медалями.